

ЛОШАДКА ДЛЯ ГЕРОЯ

Все случилось в тот момент, когда Евгений Александрович в школьном музее рассказывал ребятам из 4 «А» класса о детях-партизанах Псковской области, и кто-то громко запел, причем запел какие-то несвязные междометия. Класс расступился, и все увидели Оксану Колесову, которая с большой самоотдачей подпевала кому-то, певшему в ее наушниках. Под хихиканье одноклассников Оксана провизжала последнюю ноту и открыла глаза. Оценив обстановку, она спокойно вынула наушники и убрала их в карман.

— Оксана, если тебе не интересно слушать о твоих же ровесниках, которые воевали наравне со взрослыми, то ты должна хотя бы вести себя на уроке подобающим образом.

— А я вам ничего не должна. Это вы должны вызвать у меня интерес к своей истории.

Евгений Александрович — один из немногих, кто после недавнего окончания педагогического университета вернулся в родной Псков и пошел работать в обычную общеобразовательную школу преподавателем истории. Потому что он точно знал, что все начинается с детей, и верил, что у него получится зажечь в них любовь к истории. И вот он, выпускник с красным дипломом, истинный патриот, глубоко знавший и любивший историю родного края, стоит и не знает, что ответить этой одиннадцатилетней девочке.

«Сколько их, маленьких и больших, кто считает, что им все должны? И что тогда для нас чувство долга? Его не объяснить, его нужно найти в своем сердце: там и Любовь к Родине, и Мужество, и Сила, и Сострадание, и Вера. Но разве я сразу все понимал? Разве мне, мальчишке, не помогли, когда я все отрицал и ни во что не верил? Тетя Люба! Конечно, только она сможет помочь!» — эти мысли пронеслись в голове Евгения Александровича так быстро, что пауза не казалась долгой, но пауза была. Стояла исключительная тишина, в которой двадцать пять пар детских глаз ждали ответа.

— Понимаешь, Оксана, о вопросе «кто и кому должен» можно рассуждать, только если все знают, что такое долг. Вот ты ходишь в школу и, конечно, должна соблюдать правила и нормы поведения, принятые в школе. А есть

еще один долг, который не ограничен правилами, который живет внутри человека. Он живет рядом с его совестью. Вот эти мальчишки и девочки, — Евгений Александрович показал на стенд с фотографиями маленьких партизан, — не думали о том, что они еще

не подросли, что еще рано идти защищать Родину, что и без них справятся. Они просто шли и защищали, хотя от них никто этого не требовал. Никто, только собственное чувство долга. Они не могли поступить иначе, а если потребуется, они готовы были отдать свою жизнь за Родину, — Евгений Александрович замолчал и посмотрел на ребят.

Кто-то слушал с широко открытыми глазами, в которых читалось понимание, а кто-то наигранно изображал интерес.

— Все свободны. А ты, Оксана, пожалуйста, задержись. Для тебя есть дополнительное задание...

— Почему мне? Теперь мстить будете?

— Что в твоей голове? Учителя не мстят своим ученикам, это противоестественно. Учителя помогают, заботятся и направляют. Поэтому ты пойдешь в военно-исторический музей и найдешь там Любовь Петровну Золотареву, она поможет собрать весь необходимый материал...

— А если я не пойду?

— А я думаю, что из-за своего характера портить четвертную оценку неразумно, — Евгений Александрович встал и вложил в руки Оксаны сложенный лист бумаги, на котором написал, к кому ей надо обратиться в музее.

— Любовь Петровне скажешь, что я попросил помочь. А через неделю ждем твои истории о детях-партизанах.

В музее ее направили через все залы в какой-то отдаленный кабинет, где работала Любовь Петровна Золотарева. Она оказалась старшим научным сотрудником музея и к тому же очень доброй пожилой женщиной. На столе, за которым она сидела, стояла довольно большая деревянная лошадка-качалка, очень древняя, с большой трещиной посередине.

— Вы что, в музее старые игрушки собираете?

Любовь Петровна внимательно посмотрела на скучающую Оксану и ответила с доброй улыбкой:

— Это не простая игрушка, эта игрушка особенная. Я ее назвала «лошадка для героя». Но об этом позже. Я сейчас пойду, поищу для тебя материал, а ты,

чтобы не скучать, прочитай пока вот эту тетрадку, это как раз по твоей теме. — Я не скучаю, мне есть чем заняться, — Оксана вытащила из портфеля

телефон и наушники.

— Понимаешь, я что-то старая стала, наверное, на пенсию пора, некоторые

слова разобрать не могу. А ты молодая, глазки у тебя хорошие. Помоги, по-жалуйста. Смотри, тетрадка тонкая, много времени не займет. А как слово подчеркнутое карандашиком увидишь, на листочек его выпиши.

Оксана с неохотой придвинула к себе тетрадку.

— Спасибо тебе. Постараюсь не задерживаться, — Любовь Петровна взяла с собой пару книг и вышла за дверь.

Оксана вяло открыла тетрадку. Страницы темные, почти коричневые, написано карандашом, но почерк ровный, красивый, поэтому читалось легко. Она не думала, что тетрадь заберет ее полностью, а эта история десятилетне-го Феде Белозерова изменит и ее жизнь, и ее саму.

ТЕТРАДЬ ФЕДИ БЕЛОЗЕРОВА

Сегодня мне исполнилось десять лет, и мне в партизанский госпиталь при-несли в подарок кусочек сахара. Обещаю, что это будет моим самым дорогим подарком на всю жизнь. Доктор сказал, что ноги обморозило сильно, но он попробует их спасти, только пальцы на одной ноге придется ампутировать. Зато теперь я могу разговаривать. Последний месяц я не мог этого делать...

Когда в деревню вошли каратели, мужиков уже почти не было: кто на фронт ушел, как мой батя, а кто в партизаны подался... Старики рассказывали, что деревни горят, детей заживо жгут, гады! Маму мою расстреляли, старшего брата повесили, а нас с Матвеем бабка Евдокия спрятала в погребе. Каждый день мы слышали выстрелы и крики. Сидели три дня, было очень холодно, страшно и хотелось есть. Но тогда я еще не знал, что такое холод и голод. Потом, когда каратели ушли, и только полицаи остались, мы вылезли.

Как же я хотел партизанить! И как завидовал мальчишкам, кто ушел в партизаны вместе со своими братьями и отцами. А я в течение двух лет с начала войны был лишь проводником партизанских диверсионных групп, проходивших через нашу деревню, но кое-чему за это время у них научился. И вот я решил, что пора мне на задание. Главное было выбраться из деревни.

Матвей совсем маленький, бабка Евдокия его прокормит, а мне надо нашим помочь, чтобы этих фашистов ни одного на Земле не осталось. Решил, что стану разведчиком, но просто так взять и прийти в партизанский отряд я не мог: «Здрасьте! Возьмите меня в разведчики». Я должен был доказать, что достоин им стать. Должен принести сведения, необходимые нашей армии. Пока я шел по лесу, поставил себе задачу: прийти в поселок, пробраться в управу, выкрасть бумаги, а по пути считать по деревням, сколько где немцев, полицаяев и орудия. Память у меня хорошая, поэтому буду все наизусть учить, а чтобы не

вызывать подозрения, надо немым дурачком сделаться. У нас в деревне был такой глухонемой Ефимушка, мы его с ребятами передразнивали, теперь вспоминать стыдно. Ефимушку немцы в первый день, как в деревню зашли, расстреляли. Он по дороге шел, а фриц его окликнул. А как же Ефимушка обернется, он же глухой. Вот фашист по нему пулеметной очередью и прошелся. Как вести себя, как Ефимушка, я знал, а чтобы не проговориться и чего не выдать, если немцы меня поймут и пытаться будут, решил себе посильнее язык прикусить. Кусать было очень страшно, и не получалось долго. Тогда я поглубже засунул язык между зубами, подошел к ветке, что покрепче и пониже росла и со всей силы прыгнул на нее подбородком. Боль такая, что не рассказать, а кровищи натекло целое море. Чтобы ее остановить, язык в снегу держал. Зато во рту так распухло, что я ни говорить, ни есть уже не мог. Мне того и надо было.

В поселок С. я пришел уже затемно. Надо было проскочить через улицу и найти незакрытый сарай, чтобы переночевать. Это я сделал быстро и бесшумно, но вот только ночью у меня начался сильный жар и озноб. Уже смутно помню перед собой доброе лицо женщины, помню, как она мне давала пить какой-то отвар, чтобы жар спал. Звали ее тетя Катя, и ее мне никогда не забыть.

Я очнулся оттого, что в меня тыкали автоматом, и немец на плохом русском кричал мне в лицо.

— Партизан? Говори! Партизан?

Подбежала тетя Катя и стала говорить, что какой я партизан? Я ее племянник, немой Егорка, что деревню мою сожгли, и теперь я у нее жить буду, а сейчас болею шибко, могу и заразить. Немец ушел, а тетя Катя подошла ко мне, поправила одеяло и поцеловала меня в лоб. Она сказала: «Спи, Егорка! Не бойся, они сюда часто приходят, привыкнешь».

И в эту минуту у меня созрел план, как собрать сведения.

Через неделю я стал для них незаменимым. У тети Кати они обедали и за травами приходили, если болели. Фашист только подумает, что ему соль нужна, а я уже рядом с солью стою. Обувь вычищу, газеты принесу, за кем надо сбегая, а сам все считаю, считаю. В управу зайду, а на меня там уже внимания не обращают, знают. Хожу, мычу, а они ржут, передразнивают. Полицай Акимов меня подозревал, все смотрел, выслеживал. Однажды я шел домой, а он меня около дома поймал, за шиворот схватил и давай трясти. Я свалился, так он ногами бьет и говорит: «Заговоришь у меня, партизанское отродье, все вы у меня заговорите». И тут мне отец привиделся, как он меня маленького на лошадку сажал да приговаривал: «Ты, Федя, помни, что побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто идет до конца». Вот Акимов меня бьет, а я все мычу и мычу. Когда язык заживать стал, я в рот соли набрал и ходил с ней, чтобы рана раскрылась, ведь уходить еще рано было, нужно было все на станции пересчитать. Да еще две деревни соседние остались. Вот я и ждал удобного случая, чтобы меня кто-нибудь туда с

поручением послал: или фриц, или тетя Катя с травами к больному. Иногда тетя Катя садилась и смотрела на меня внимательно — так, как будто догадывалась, зачем я здесь. А я не мог ей открыться, чтобы ее не тронули, если меня поймают.

Раз я бежал из редакции с листовками, а меня соседская бабушка остано-вила и сказала, чтобы я домой не шел, расстреляли тетю Катю. Слышу шум мотоцикла, крики, плач. Я за угол дома спрятался, а они мимо проезжали, а в люльке тетя Катя лежит, глаза мертвые, открытые, все лицо в крови, а в руки табличка вставлена: «Сегодня утром я оскорбила немецкого офицера».

Не помню, как до леса добрался, уже темно было, мороз. Бегу, слезы лицо заливают, ничего не вижу, а сам повторяю: поселок — солдат 250, офицеров — 38, пулеметов — 10, машины большие — 3, мотоциклов 15... Станция — сол-дат 40... И тут нога в проталину провалилась. Упал, ногу не вытащить, заще-мло, а холодно так, что все тело сводит. Чувствую, что здесь и помру. Лежал и думал, неужели все? И к нашим не доберусь, и целый месяц зря сведения собирал, а ведь мог бы помочь им. А смерть тети Кати? Неужели все зря? И я просто умру в этом лесу один?!

И тут все в глазах туманом заволокло, батя сидит рядом и говорит: «И один в поле воин, если по-русски скроен». Вот я и зашевелился.

Главное было тогда дотянуться до палки покрепче, чтобы лед пробить и ногу вытащить. Смерть — она что там, в поселке, что здесь, в лесу — всегда рядом ходила. Не поймешь, где ближе. Ногу я вытащил тогда, только она была уже обморожена и не ходила совсем. В лесу не попрыгаешь на одной ноге, вот я и решил ползти. Буду ползти, пока наших не найду, или пока они меня не найдут. Очнулся уже здесь, в госпитале. Сразу попросил бумагу и подробно написал все, что высчитал, что каждый день твердил и уже никогда не забуду, как не забуду этот кусочек сахара, тетю Катю и батю. Не забуду сожженные деревни, людей на виселице, детский плач, крики женщин, пулеметные оче-реди и этот запах смерти...

А сейчас ко мне заходил сам командир партизанского отряда. Он обнял меня и сказал: «Спасибо, сынок. Все сведения, что ты принес, нам очень по-могут. Теперь у нас полная картина. Так что поздравляю, разведчик Федор Бе-лозеров. Считай, что две жизни себе заработал — эту и в памяти людской. А с такими мальчишками, как вы, мы фашистов обязательно победим. И придет время, когда дети будут ходить не под пули, а в школу. И обязательно будут счастливы!»

Когда Любовь Петровна вернулась в кабинет, Оксана стояла у окна и смо-трела на город, в который возвращалась весна.

— А он жив?

— Несколько дней назад умер.

— Значит, это его лошадка?

— Да. Из поколения в поколение, когда в семье Белозеровых рождался

мальчик, его сажали на эту лошадку и говорили, что родился богатырь, за- щитник Земли русской. Такое посвящение в настоящего мужчину... А тут жена его сына решила ее выбросить, потому что к новым обоям не подходит. Вот он и принес в музей эту лошадку и тетрадь, чтобы сохранились.

— А его сын?

— Знаешь, дети не всегда похожи на своих отцов. У меня к тебе большая просьба: я договорилась с реставрационной мастерской, что они ее приведут в порядок, подремонтируют. Видишь, какая трещина. А отнести надо сейчас. Не сможешь? Это близко.

— Хорошо.

Это была другая Оксана, совсем не та эгоцентричная девочка. Сейчас это был маленький удивленный человечек, который открыл для себя что-то но- вое и очень важное.

Оксана шла по улице, а в руках у нее была деревянная лошадка, завернутая в пленку. И в тот момент, когда она думала, что эта лошадка и вправду при- дает силы и храбрости, позади раздался противный голос Саши Кротова из шестого «Б».

— Ой, а кто это здесь идет? И что это нам несет?!

Саша Кротов любил поиздеваться над детьми из младших классов. Сам по себе хилый и трусоватый мальчик, он чувствовал свою силу среди малышей. За ним, словно собачка, бегал Кирилл из четвертого «Б» и делал все, что тот скажет.

Оксана, как девочка независимая и не имеющая авторитетов, с ними ни- когда напрямую не сталкивалась. Она и сейчас решила этого не делать. Не оборачиваясь, она прибавила шаг, но эти двое через секунду уже стояли пе- ред ее лицом. А в следующее мгновение он вырвал из рук Оксаны лошадку и стал разрывать пленку.

— Отдай! — Оксана кричала, вырывая свой драгоценный груз. — Отдай! Это не моя!

— А что же ты чужие вещи не бережешь? Отними! — Саша поставил ло- шадку на землю и попытался на нее сесть.

Оксана чувствовала, что ее сердце сжимается в комок, а в голове зазвучали слова папы маленького Феди, который, сажая на лошадку смешного мальчугана, приговаривал: «Расти сынок, героем будешь!» Оксана подбе- жала к Саше и с какой-то неведомой силой толкнула его с оглушительным криком:

— Не смей на нее садиться! Ты не герой! Ты никогда не будешь героем!

Саша, не ожидавший такого толчка, полетел на землю, но нога зацепилась за старую треснувшую деревянную игрушку, и он свалился на нее. От удара лошадка разлетелась на множество частей.

— Ты чего?! Ненормальная?! — Саша поднялся и теперь вместе Кириллом недоуменно смотрел, как Оксана вся в слезах, сидя на коленках, собирает деревянные кусочки. Саша подобрал одну из разлетевшихся деталей и протянул ее сидящей посередине тротуара плачущей девочке. Но он не понимал, что для нее этот кусочек — символ отваги, смелости, чести и достоинства.

— Возьми.

— Он хотел ее сохранить! Он ее в музей принес, чтобы сохранить. У него сын не такой, как он. И мы не такие.

Оксана сидела, всхлипывала и причитала, а Сашка застеснялся сам себя, и в его маленьком сердце зашевелилось что-то очень похожее на совесть. Он махнул рукой и ушел. Кирилл постоял, помялся, не зная, что теперь ему делать, и решил убежать домой.

Через час у кабинета Евгения Александровича стояла Оксана, держа в руках все части старой игрушки, завернутые в пленку.

— Простите, я не знала. Я не знала...

Соленые, горькие слезы не давали говорить. Она плакала, потому что ей было жалко Федю Белозерова и всех мальчишек-партизан; потому что у него вырос такой сын, который не смог стать героем и защитить отца; потому что она не уберегла лошадку, и теперь ей стыдно перед Любовью Петровной; но самое главное, что в сердце просыпалось что-то совершенно новое для Оксаны, и это было так больно, что только слезы помогали ей пережить эту боль.

Они вместе поехали к реставратору. Тот обещал сделать все возможное. А еще Евгений Александрович позвонил своему другу, резчику по дереву, и через месяц в школьном музее стояла точная копия той Фединой лошадки, под которой была очень простая и трогательная надпись: «Лошадка для героя».

Был прекрасный весенний денек, когда Евгений Александрович шел из школы домой и увидел Оксану с Сашкой Кротовым, которые замазывали на доме черные некрасивые надписи. Они были так увлечены делом, что вздрогнули, когда учитель их окликнул.

— Молодцы! Хорошее дело делаете! Кто вам дал такое нужное поручение?

— Евгений Александрович, почему сразу поручили? Что же мы, сами не можем?

Оксана так радостно заулыбалась, что заулыбался и Сашка Кротов, и Евгений Александрович, и весь город...